

Светлана Бломберг

Массовка

Было время, когда я вставала по утрам с радостью: мне предстояло идти на любимую работу - в библиотеку еврейской школы, в этой же школе учился в третьем классе мой сын Славик.

Прибалтийская республика, получив самостоятельность, вернула еврейской общине здание школы, построенное в начале 20 века. Летом записали учеников во все 12 классов, директор Женя Лерман подобрал учителей. Из Израиля прислали книги и учебники. И я с увлечением принялась за чтение этих книг, изготовление стендов и организацию книжных выставок.

Директору Жене было немного за тридцать. Года три назад он, до того обычный советский журналист, начал интересоваться еврейскими традициями и историей, стал ходить в синагогу, носить кипу. Обаятельного, улыбчивого директора очень любили дети, он установил в школе такое правило: взрослых работников школы называть только по имени, никаких отчеств, даже для директора.

Женя преподавал еврейские традиции. На Рош ха-Шана директор устроил для учителей вечер. Глядя на то, как Женя, объясняя суть праздника, жестом фокусника обмакивает яблоко в мед и жонглирует рыбьей головой, как рыжий восьмиклассник Роберт поет под гитару только что сочиненную им песенку про еврейский Новый год без елочки, - учительница иврита Рая, присланная из Израиля Сохнумом, сказала мне: «Ну, ребята, какое-то ваше еврейство... игрушечное. Раньше ваш директор играл роль советского журналиста, теперь – религиозного еврея». Да, по сути, она была права, многого мы еще не понимали и только еще скользили по поверхности.

Дочь первого, довоенного директора школы Самуила Войташевского принесла фотографии из своего архива – дети в классе, вот они справляют Песах, а вот играют во дворе. Немногие из них стали взрослыми... На некоторых фотографиях были ритуальные предметы – ханукия, кубок для кидуша, указка для чтения Торы, кувшин для омовения рук. Все это принадлежало школе, но во время войны пропало.

Школа находилась на улице, которая называлась Медвежья, на крыше здания крутился флюгер, изображавший медведя. Ученик 11 класса Йося захотел поближе рассмотреть флюгер и для этого залез на чердак. Позже он рассказывал, что слышал за собой шаги и бормотание. Он утверждал, что на чердаке обитает призрак первого директора – старика Войташевского. Уборщица - русская женщина, приходившая убирать по субботам, уверяла, что постоянно слышит хор детских голосов из актового зала и смех со второго этажа. Мало того, кто-то то и дело опрокидывал ведра с водой и разбрасывал уже собранный мусор. Йося объяснял это происками старика Войташевского, который таким образом протестует против работы по субботам.

Школа уже проработала полтора месяца, дети были счастливы – им предоставили свободу самовыражения. Они бесились на переменах и даже пытались ходить по классу во время урока.

Однажды утром мы с сыном увидели на доске объявлений, висевшей при входе в раздевалку, большой плакат: «Снимается кино! Всем, кто хочет участвовать в массовке, собраться в 14.00 в актовом зале. Участие в съемках оплачивается». Мне стало любопытно – почему именно в нашей школе съемочная группа решила искать массовку? Мы со Славиком пришли в назначенное время в актовый зал. Там уже собралось полсотни человек учителей и учеников из разных классов. Вошел Женя вместе с высоким светловолосым парнем в длинном кожаном пальто.

- Ребята, разрешите вам представить моего друга, помощника режиссера Сергея Заманского. В нашем городе снимается художественный фильм о тринадцатилетней еврейской девочке, которая во время Катастрофы попадает в гетто. Для сцен в гетто Сергей набирает массовку, ему нужны люди с еврейскими лицами. А дальше он сам вам все расскажет.

Помощник режиссера разъяснил, как будут проходить съемки и чего он ждет от массовки. Условия всем понравились, особенно сумма, которая причитается за участие в фильме.

В воскресенье утром возле школы нас ждали помощник режиссера и автобус. Здесь собрались ученики старших классов Йося и Сима, восьмиклассники Роберт и Даник, несколько девочек из шестого и седьмого класса, остальные – сотрудники школы со своими детьми и директор Женя с овчаркой Молли. Собака должна была тоже участвовать в массовке в роли злого пса на поводке у охранника. На Молли был намордник, поэтому она не могла радостно лаять, зато ее хвост не знал покоя. Всех сотрудников школы и учителей Молли отлично знала и очень любила – Женя возил Молли в летний лагерь, организованный перед началом учебного года, где дети и учителя с ней играли и постоянно подкармливали чем-нибудь вкусным. Мы погрузились в автобус и поехали на киностудию. Там нас разделили по половому признаку и отвели в разные сарайчики – переодевать в костюмы. Нам раздали большие пакеты и велели снять с себя все, а главное – капроновые колготки. Все должно было быть реалистично. Костюмерша выдала мне потертое пальтецо, крепдешинное платье, поцарапанные ботинки, помятую шляпку с резинкой. Но особенно меня огорчили хлопчатобумажные чулки с подвязками. Маленькие девочки были одеты в одинаковые приютские пальтишки с пелеринкой. Симе собрали волосы в две косы с ленточками. Через полчаса наши дамы-учительницы выглядели совершенно неузнаваемо – косметику с их лиц стерли, переодели и причесали по моде 40-х годов. Все бы ничего, но у каждого на одежде была пришита желтая звезда. Это выглядело мрачно. Мы вышли на улицу и увидели наших мужчин и мальчишек – некоторые превратились в местечковых то ли портных, то ли парикмахеров, другие – в солидных господ. Роберт и Йося представляли собой двух хасидов в лапсердаках и черных шляпах. Женя был одет в ватное пальто с меховым воротником, кашне и котелок. У них тоже на одежде были желтые звезды. Мы сели в автобус и поехали к месту съемок – в центр Старого города.

На одной из узких улочек уже всюю шла подготовка – там стояло несколько кинокамер, вокруг суетились люди. Нам велели все свои вещи и пакеты с одеждой оставить в автобусе. Какая-то женщина подвела нас к крытому грузовичку довоенной конструкции и начала раздавать реквизит – кто-то получил заплечный мешок, кто-то чемоданы, кто-то баулы и просто узлы. Учительнице английского языка всучили сверток в одеяле, который исполнял роль грудного ребенка. Йосе и Роберту выдали свиток Торы в чехле. Они тут же заглянули под чехол и убедились, что там никакой Торы нет, просто деревянные ручки, торчащие из расшитого чехла. Мы с сыном тоже

из любопытства открыли свой чемодан. Он был наполнен какими-то старыми книгами и газетами.

Нас привели во дворик, мощный булыжником. Тут стояла тележка вверх оглоблями, наполненная дряхлой мебелью. Нам велели положить узлы и чемоданы на землю. Люди из съемочной группы рассадили нас вокруг тележки так, как им было нужно, и разбросали реквизит. По двору прогуливался здоровый мужик с повязкой на рукаве, держа на поводке Молли. Снимали группу евреев, которых собрали с вещами перед тем, как отправить в гетто. Послышалась команда «Мотор!» Отсняли, наверное, дублей шесть. Все это время мы должны были изображать на лицах страх и тревогу.

Потом мы долго сидели в автобусе и ждали, когда нас снова позовут. Мы успели перекусить и накормить печеньем Молли. Йося с Симой и мы со Славиком решили сходить за шоколадками. Люди на улице шарахались от нас. «А, понимаю, - сказал Йося, - мы не должны ходить по тротуару!» И все, поддерживая игру, сошли на обочину дороги. Мы приблизились к киоску, торговавшему всякой мелочью – жвачкой, шоколадками, питьем. Продавец посмотрел на нас и твердо сказал: - Евреев не обслуживаю.

Мы объясняться с ним не стали – игра есть игра - и пошли к другому киоску. Там продавщица даже не взглянула на нас, она только считала наши деньги и сдачу. Каждый купил по шоколадке, а Йося еще и бутылку кока-колы. Он засунул бутылку в глубокий карман своего лапсердака и принялся за шоколадку.

Мы чуть не опоздали к съемкам следующего эпизода - наскоро запихали шоколадки в рот, потому что всем велели подняться по каменной лесенке в дом тут же, во дворе. Внутри оказался давно не отремонтированный сводчатый зал с узкими средневековыми окнами. На полу валялись тюфяки. Йосю с Робертом заставили, ритмично покачиваясь, читать молитву спиной к камере, детей и взрослых расположили на тюфяках. Перед камерой посадили Симу и Славика, который держал в руке кусок хлеба, Сима должна была петь какую-нибудь песню. Когда прозвучала команда «Мотор», наступила полная тишина, которую нарушало бормотание молитвы и тихая песня Симы. И тут включилась иная реальность – мне действительно стало страшно и тревожно. Не верилось, что мой сын только что съел целую плитку шоколада – с такой жадностью он смотрел на кусочек черного хлеба. И вдруг из свертка на руках учительницы английского языка послышался детский писк! Но тут раздался крик: «Снято! Все свободны!» Я даже не успела что-либо понять. Как бы невзначай я подошла к учительнице и слегка ущипнула сверток: обычные тряпки.

Нас снова вывели во двор, приказав разобрать свои чемоданы и узлы, потом мы вышли за ворота на улицу. Там помощник режиссера построил нас в живописную колонну: впереди завхоз Марик должен был тащить за оглобли тележку с мебелью и узлами, за ним выстроились «приютские девочки», «хасиды» со свитком и другие «узники гетто». Мы должны были пройти по улице мимо нескольких кинокамер. Вдали виднелись другие персонажи массовки – городские граждане, тоже одетые по моде военного времени, а по обеим сторонам дороги – охранники с автоматами. И мы пошли.

Я тащила тяжелый чемодан, держа за руку Славика, и мной овладевало смертельное отупение. Я понимала, что нас гонят, как скот на убой. Что будет, если мы сейчас все бросимся врассыпную? Нет, бесполезно: перестреляют, и далеко ли убегут дети с желтыми звездами на одежде? Да и спрятаться негде...

Сначала режиссер подавал команды, оператор делал свое дело. Потом мы пересекли перекресток, и кинокамеры остались далеко позади. Но никто не кричал: «Стоп, снято!», поэтому мы все шли и шли, тем более, что на обочине стояли автоматчики в форме полицаев. Наконец Марику надоело тащить тележку, и он остановился. Тотчас же к нему подошел полицай и стукнул прикладом в спину. Марик в недоумении подчинился и пошел дальше. Полицай направил тележку к воротам

маленького стадиона. Там стоял тот самый мордатый мужик с повязкой, держа на поводке Молли. Пока мы проходили мимо него, собака яростно и злобно лаяла на нас. Женя хотел было подойти к Молли, но охранник навел на него автомат. Мы ничего не понимали. Вокруг не было никого из съемочной группы, зато по стадиону ходили полицаи и несколько человек в форме немецких солдат. Причем разговаривали они тоже по-немецки! Вот это реализм!

Пошел мелкий дождь. Все вокруг покрылось водяной пылью. Дети жались к учителям, некоторые заплакали от холода. Йося открыл полы своего лапсердака и укрыл ими Симу. Она пыталась сопротивляться, но быстро поняла, что так и вправду теплее.

Директор, который сидел на своем чемодане, поднялся и решительно направился к охранявшим ворота людям. Овчарка повернула к нему голову и угрожающе зарычала. Охранник крикнул, веля Жене остановиться, Молли рвалась с поводка, неистово лая и роняя из пасти пену, но Женя шел, уверенный, что собака его не тронет. Полицаи спустил Молли с поводка. В три прыжка она очутилась возле Жени и сбила его с ног. Женя прикрывал лицо руками, выкрикивая какие-то команды. Но собака, яростно урча, вцепилась зубами в рукав его ватного пальто. Полицаи вразвалку подошел к собаке, поймал ее за поводок и, криво ухмыляясь, вернулся на свой пост к воротам. Женя остался лежать на мокром асфальте. Учительница музыки истерически вскрикнула. Все бросились к директору. Учительница стащила с директора пальто, разорвала рукав своей рубашки и вытерла ему окровавленное лицо. Жене повезло: пальто было хоть и старое, но из хорошей шерсти и простегано толстым слоем ваты, так что собачьи зубы только слегка задели кожу. Директор снова накинул разорванное пальто на плечи.

Внезапно ворота открылись, вошел человек – в форме немецкого офицера, и видно было, что он к ней привык.. Человек издали махнул рукой директору, жестом приказывая следовать за собой. Женя медленно пошел, но на мгновение остановился и оглянулся на нас. Все примолкли. Директор направился к воротам, где на него угрожающе скалила зубы Молли, крепко схваченная охранником за поводок. Женя повернул голову в сторону собаки, вся его фигура выразила недоумение и непонимание.

Жени не было всего полчаса, но нам показалось – целую вечность. Охранник втолкнул его в ворота, от резкого пинка Женя слегка пошатнулся. Он снова сел на свой чемодан. Мы молча окружили его, ожидая объяснений.

- Мне предложили свободу в обмен на выкуп. Профессор Мяннисте обещал им за меня деньги.

- Вас отпустят прямо сейчас? - спросила Сима.

- Послушай, что за бред? Я отказался уйти без вас. А профессор Мяннисте умер в 1955 году.

- И правильно, - сказал Роберт. – Никто не знает, что там такое... – он махнул головой в сторону забора. - Где мы, кто мы? Заблудились...

- Вернее - заигрались, - поправил его Йося. – А наша массовка отыграла свое – мы больше не нужны.

- Йося, это мы для них, - директор кивнул в сторону охраны, - массовка. Никогда не позволяй себе чувствовать себя массовой!

Мы просидели под дождем часа три. Вдруг на стадион въехал крытый грузовичок, из которого мы получали реквизит. В кузове сидел некто, одетый в форму немецкого солдата с автоматом. Полицаи велели нам сложить свои вещи в кучу и залезть в грузовик. Меня даже обрадовало, что больше не придется возиться с этим громоздким чемоданом. Я с размаху бросила его об асфальт, он раскрылся. Я ожидала, что сейчас по стадиону разлетятся бумажки и старые книжки, но... Посыпалось белье, детские башмаки и рубашки, какие-то фотографии... Полицаи выхватил чемодан из

рук Жени и вытряхнул из него серебряный семисвечник, медный кувшин для омовения рук и кубок для кидуша – точно такие, какие я видела на фотографиях дочери Самуила Войташевского. Что-то заподозрив, Роберт попытался удержать свиток, но не сладил со здоровым полицаем. Свиток полетел на землю. Все были настолько потрясены, что забрались в машину почти беззвучно. Немецкий солдат поднял брезентовый верх, и машина поехала. Через полчаса она остановилась. Охранник перегнулся наружу, заскрежетал засовами и откинул борт. Мы выпрыгнули из кузова и огляделись. Грузовик стоял на сырой лесной поляне, усыпанной сосновыми иглами, недалеко от свежерытой в песчаной почве ямы. У ее края стояли солдаты с автоматами. Они двинулись к нам и окружили. Славик прижался ко мне и тихо заплакал:

- Мама, пить хочу!

- Потерпи, сынок, нет у меня...

- О! – воскликнул Йося. Он запустил руку в бездонный карман своего лапсердака и извлек оттуда бутылку кока-колы, купленную в перерыве между съемками. Ловко отвернув крышку, он протянул ее Славику, но в это мгновение офицер отпихнул кого-то и потянулся к бутылке, намереваясь ее отнять.

- Ах ты, сволочь! – заорал Йося и плеснул липкой пенистой жидкостью прямо в лицо офицеру. Все кругом ослепительно вспыхнуло, потом стало темно. Сладкая водичка из другого времени разрушила реализм сцены расстрела. А может быть, сопротивление массовки не вписывалось в сценарий.

Пошли заключительные субтитры: в главных ролях..., в эпизодах..., съемочная группа... Участников массовки в субтитрах не было, их обычно там не называют.

-Мама! Ну, мама же! – сын теребил меня за рукав. Рядом сидел Даник и пытался жонглировать тремя шишками, которые попеременно сыпались ему на колени. Сима собирала букет из опавших листьев.

-Све-е-е-та! – кричал Йося, размахивая пустой бутылкой из-под кока-колы. - Бухгалтер приехал! Пошли за деньгами!

Он схватил за руку Симу, и они побежали по поляне к автобусу, стоявшему на проселочной дороге. Казалось, эта пара сейчас взлетит над лесом, как на полотнах Шагала. Я поднялась, и мы поплелись вслед за ними. Съемочная группа складывала свою аппаратуру. Возле автобуса уже толпились румяные от свежего воздуха ученики и учителя, между которыми весело носилась Молли. Костюмерша скорбно трясла разодранным пальто, директор без царапин на лице молча разводил руками. Женщина чертыхнулась и бросила пальто на землю. Молли тут же подскочила и начала трепать его, мотая огромной головой и иногда оглядываясь на хозяина, как бы приглашая его принять участие в забаве. Поляна постепенно покрывалась клочьями ваты. В моем кармане уже блаженствовали две сотенные бумажки.

Одну из них я разменяла на следующий день в привокзальном цветочном киоске. Мы с сыном купили букет красных гвоздик. Потом сели в электричку и, проехав полчаса, пошли проселочной дорогой, подобрав по пути несколько камешков. Мы положили цветы и камешки у подножья памятника. На нем не было ни слова о том, что здесь убили евреев.

=====

История создания рассказа «Массовка»

Когда я только начала работать в Еврейской школе, еще при директоре Глуховской, к нам обратилась венгерская съемочная группа, которая снимала фильм

«Бога не было дома» - историю о девочке-подростке, которая попала в гетто и в концлагерь. Они не стали снимать у себя на родине, потому что в Таллине съемочный процесс стоил им во много раз дешевле, да в то время Старый город был сильно запущен, что как раз требовалось для фильма о войне. Для массовки подходили не слишком цветущие, впрочем, многие из нас в начале 90-х были такими. Платили, по нашим тогдашним понятиям, очень хорошо. В съемках участвовали ученики школы, в том числе и мой сын Славик, ученик третьего класса. Не знаю, как другие, но я настолько вошла в роль, что почувствовала примерно то же, что евреи в настоящем гетто. О съемках я рассказала своему питерскому другу, поэту Александру Танкову, и у него возникла идея рассказа о том, как люди настолько вошли в роль, что кино стало реальностью. Он сначала хотел сам написать такой рассказ, но так и не собрался. А сюжет мне очень понравился, и я написала рассказ «Массовка».

Понятно, что в художественном произведении можно найти только тень того, что было на самом деле. Прототипом директора школы в рассказе стал Евгений Кушнер, сын знаменитого поэта, который до репатриации работал в Петербурге директором еврейской школы. Собака Молли – плод моей фантазии. Войташевский, конечно же, Самуил Гурин, а его дочь – Евгения Гурина-Лоов. Ученики школы из рассказа – реальные дети, которые участвовали в съемках: Данник Вуль, Роберт Хехт, Сима Кипнис. Йося – ныне журналист и культуролог Йосеф Кац. Марик Шур – реальный завхоз, но в то время он еще не работал в школе и участия в съемках не принимал. Учителя в рассказе вымышленные. А вот случай с уборщицей, которая слышала голоса, и у которой опрокидывались ведра, был на самом деле. Йося Кац тогда исследовал чердак и утверждал, что там бродит призрак Самуила Гурина. На самом деле, скорее всего, на чердаке обитали голуби, и звуки, искаженные эхом под крышей, исходили от них.

Рассказ был переведен на иврит и опубликован в израильской газете.